

Голоса звучали так громко, точно на плацу, — аж эхо покатилося под сводами.

Гань Буго вздрогнул от неожиданности и обернулся. Перед ним стояли человек семь или восемь. Ни стариков, ни беременных женщин среди них не было, однако физически они выглядели очень по-разному.

Особенно выделялся тот, что держался позади всех: рослый, плечистый — настоящий богатырь, но бледный и тощий, точь-в-точь чахоточный.

— А ну-ка, давайте я вас познакомлю, — Шэньту Цян по очереди указал на спутников, представляя каждого Гань Буго.

Гости дружно заулыбались, стараясь показать свое дружелюбие.

Для Гань Буго эти люди были чужаками, но самому Шэньту Цяну он доверял. Да и его спутники внушали расположение: взгляды у всех были прямые, открытые, без лукавства и скрытого умысла, пусть и сквозила в них опасная, хищная острота.

Впрочем, чему удивляться? В суровом послевоенном мире, вечно балансируя на грани жизни и смерти, мягким не выжить. Не будь они сильными и закаленными, давно бы сгнули в ледяной пустоши.

Когда знакомство завершилось, Гань Буго указал на дверь, ведущую в столовую:

— Там, на столе, горячая вода и взбитые яйца с сахаром. Выпейте по пиале, согрейтесь с дороги, а обед будет готов с минуты на минуту.

Сладкий яичный отвар — простое, но сытное и быстрое в приготовлении угощение. Гань Буго расщедрился и добавил туда сахарный песок, который привез из своего путешествия на юг. Он берег его, расходовал экономно. Два полных рогожных мешка белого сахара хранились в его пространстве Всеобщего Жизнерождения, где время замерло, и потому продукты не портились. Порой, в самые глухие и тоскливые вечера, ложечка этого лакомства помогала ему унять щемящее одиночество.

Сейчас же он приготовил это питье просто потому, что гости выглядели совершенно окоченевшими.

Особенно леди Лиенянь. Фигура у нее, конечно, была великолепная, но вот одежды — непозволительно мало для здешних морозов.

Вся компания гурьбой вышла из кухни. В обеденном зале на просторном столе действительно стояли десять глубоких фаянсовых мисок, до краев наполненных дымящимся сладким питьем.

Шэньту Цян первый взял свою порцию и сделал большой глоток.

Глаза градоправителя изумленно округлились, в них вспыхнул искренний восторг:

— Сладкий!

Они уже много лет не пробовали ничего сладкого.

Остальные тут же потянулись к своим чашам. Сделав по глотку, они пораженно переглянулись:

— И правда, сладкий!

— Настоящий сахар! — у шеф-повара Пана вкус был развит лучше всех, и он сразу распознал дорогую специю. — Тот самый, чистый и сладкий. А не та горьковатая бурда, которую мы вывариваем из мутировавшей свеклы.

Никто больше не проронил ни слова. В тишине слышалось лишь дружное, жадное прихлебывание — гости осушили свои миски до капли.

Две порции остались нетронутыми. Одну отставили для Гань Буго, а последнюю Шэньту Цян пододвинул к Юань Чжи.

— Выпей, — мягко, но непреклонно велел он инструктору. — Ты у нас слабее всех здоровьем, тебе силы нужны. Поправься малейко.

Сладкий яичный навар действительно превосходно восстанавливал силы. Шэньту Цян чувствовал это по себе: горячая жидкость, едва оказавшись внутри, разогнала кровь и мгновенно вернула телу приятное тепло.

— Но это же запасы господина Ганя, — неуверенно возразил Юань Чжи, пытаясь отодвинуть миску.

— Он сам нас угостил, так что пей и не сомневайся, — Шэньту Цян буквально всучил ему чашу в руки. — Свою долю он вряд ли станет допивать, но оставить ее мы обязаны. Лао Пан, а ты чего столбом стоишь? Шел бы на кухню, помог парню.

— Да у него на кухне ломится всё, — покачал головным убором толстый шеф-повар. — Зачем я, чужак, полезу туда? Не приведи небо, подумает еще, что я вынюхиваю да поживиться хочу. Обидится человек, и будет прав.

Лао Пан действительно хотел помочь, но они были знакомы едва ли полчаса. Вваливаться без спросу на чужую кухню в нынешние времена считалось верхом неприличия, если не скрытой угрозой.

После катастрофы еда, пресная вода и обыкновенная соль стали цениться на вес золота.

До конца света за старинные безделушки отдавали миллионы, но теперь эти побрякушки не стоили и ломаного гроша. Зато за мешок муки в десять килограммов можно было выменять потрясающую красавицу, похожую на модель с обложки журнала.

Один из знакомых поваров Лао Пана как-то за две пресные лепешки выменял себе жену. Девушка без сожаления бросила прежнего супруга — тот оказался ни на что не годен и выживал лишь за ее счет.

А в закромах у Гань Буго припасов было столько, что при одном взгляде кружилась голова.

Потому шеф-повар Пан благоразумно держался в стороне, оберегая хрупкое доверие.

— И то верно, не стоит торопить события, — согласился Шэньту Цян.

Про себя он понимал, что Гань Буго вовсе не из скупых, однако и испытывать его терпение не следовало. Припасы хозяина дома поразили даже бывалых бойцов Града Льда и Снега.

— Босс, неужели он живет здесь совершенно один? — негромко спросила Лиеянь, заворуженно разглядывая сквозь пелену клубящегося пара хрупкий силуэт юноши. — И все это богатство он вырастил и заготовил собственными руками? Просто невероятно.

— Не знаю, — покачал головой Шэньту Цян.

Он догадывался, что Гань Буго хранит немало тайн, но без дозволения самого юноши не собирался делиться догадками даже с близкими соратниками. Это было вопросом элементарного уважения и безопасности.

Друзья не стали настаивать. Они прекрасно знали характер своего командира: если Шэньту Цян решил промолчать, из него и клещами слова не вытянешь.

Тем временем хлопоты на кухне подошли к концу, и Гань Буго принялся переносить блюда в столовую.

Первым на столе появилось огромное, размером с добрый таз, эмалированное блюдо, до краев наполненное сочным, дымящимся рагу — тушеной говядиной с картофелем в густом ароматном соусе. Следом юноша принес хрустящий салат из тертой редьки, миску с

наваристым бульоном на сахарных костях, заправленным тонкой соломкой пекинской капусты и щедро посыпанным свежим зеленым луком. Венцом пиршества стали горы пышных паровых баоцзы с мясной начинкой и чаша, полная белоснежного рассыпчатого риса.

— Ого... — выдохнул кто-то из бойцов. За столом послышалось дружное, судорожное сглатывание слюны.

— Прошу к столу, присаживайтесь, — улыбнулся Гань Буго.

Он достал из плетеной корзины глубокие чаши и расставил перед каждым гостем по три штуки. В одну насыпал с горкой дымящегося риса, во вторую положил четыре крупных, пышущих жаром пирожка, а в третью налил золотистого наваристого бульона.

— Угощайтесь. Если покажется мало, в котлах еще осталось, — он гостеприимно указал на общие блюда. — Не стесняйтесь, наедайтесь досыта.

Таков был негласный закон нового времени: хозяин или повар сам делил пищу на порции, ведь еда оставалась величайшей ценностью. Без его дозволения никто не смел прикоснуться к тарелкам. Но стоило прозвучать заветному «угощайтесь», как приличия уступали место голоду.

— Приступим, — негромко скомандовал Шэньту Цян и первым взял палочки.

С первым же кусочком, растаявшим на языке, гости осознали: это не просто сытная стряпня, приготовленная на скорую руку. Вкус был божественным, а каждый глоток бульона и кусочек мяса несли в себе чистейшую, концентрированную энергию. Изнуренные долгой дорогой и голодом люди принялись уплетать угощение за обе щеки.

Гань Буго никогда прежде не испытывал такого упоительного чувства гордости. Столько голодных ртов, и все с таким аппетитом уплетают его стряпню! Душа его ликовала.

Заметив, что чья-то чаша пустеет, он тут же подкладывал добавки:

— Кушайте, кушайте! Налегайте на мясо, силы восстанавливайте.

За окнами ревела метель, швыряя в стекла пригоршни колючего снега, а в столовой царило благодатное весеннее тепло.

Гань Буго приготовил еду с огромным запасом, но аппетит гостей оказался поистине богатырским. Вскоре все тарелки и миски были вылизаны до блеска.

— Может, еще баоцзы разогреть? — заботливо поинтересовался хозяин, глядя на пустую

посуду.

— Спасибо, не надо, — Шэньту Цян степенно вытер губы салфеткой. — Наелись от пуза. Больше не полезет.

— Вот и славно, — повеселел Гань Буго.

Он тут же достал из своих закров несколько больших стеклянных кувшинов с янтарным соком:

— Это я сам выжимал, угощайтесь. Попейте освежающего, а я пока приберу со стола.

Сгребая посуду, Гань Буго поспешил обратно на кухню. В своем простом домашнем фартуке с забавным накладным карманом на животе он выглядел невероятно уютно и мило.

Линь Цзе, проводив его взглядом, не удержался и негромко шепнул Шэньту Цяну:

— Какая еда... И сам хозяин — просто золото. Такой заботливый, хозяйственный!

Шэньту Цян отвесил другу легкий подзатыльник:

— Сок пей и помалкивай!

— А сок и правда отменный, — блаженно зажмурился Юань Чжи.

Сытый, согретый, он полулежал на мягком диване и, казалось, вот-вот сладко захрапит.

— Давно я не видел тебя таким умиротворенным, — Шэньту Цян с теплотой посмотрел на друга. Бледность с лица инструктора сошла, уступив место здоровому румянцу.

— Еще бы, — Юань Чжи лениво погладил себя по животу. — Сто лет так вкусно и сытно не ел.

Вскоре из кухни вернулся Гань Буго, вытирая руки полотенцем.

— Пойдемте, я покажу вам ваши комнаты. Да, кстати, если хотите, можете принять горячую ванну. Воды достаточно.

— Хотим! — тут же отозвалась Лиенянь. Как единственная женщина в отряде, она больше всех страдала от походной грязи и упустить редкую возможность смыть с себя дорожную пыль просто не могла.

— Тогда прошу за мной, — Гань Буго увлек их по коридору вглубь здания. — Раньше тут была душевая для рабочих. К счастью, мародеры до нее не добрались. Я кое-что подкрутил, починил трубы, так что теперь все работает исправно. Поскольку отопление у меня работает без перебоев, горячая вода есть круглые сутки. Мойтесь на здоровье, все равно зря пропадает.

Душевая оказалась чистой и на удивление удобной: с индивидуальными кабинками, гарантирующими полное уединение. Мужское и женское отделения были одинаковыми по размеру, а в конце каждого красовался небольшой бассейн-купель.

Пока Шэньту Цян с мужчинами шумно плескались в своей половине, Лиеянь блаженствовала в полном одиночестве. Гань Буго, заметив, что у каждого гостя нашлась сменная одежда, бережно собрал их грязные дорожные вещи. У него в подсобке имелась стиральная машина, питавшаяся от угольного генератора.

Разбирая одежду для стирки, юноша обратил внимание на то, какими поношенными были вещи бойцов. Добротные с виду куртки на поверку оказались тонкими, утеплитель внутри давно сваялся и истончился.

Лишь куртка Шэньту Цяна выделялась на общем фоне: тяжелая, из толстой дубленой кожи на плотном, густом меху — настоящий надежный доспех против любого бурана.

Чистые, распаренные и пахнувшие свежестью гости вышли из душевой, чувствуя себя заново родившимися. К их изумлению, их походная одежда уже висела на сушилке — чистая и почти сухая.

А в столовой их ждал новый сюрприз. Гань Буго успел приготовить поздний ужин:

— Идите к столу, горячая лапша готова! Поедите перед сном, спать будете крепче.

Каждому досталась глубокая пиала с тонкой домашней лапшой в прозрачном янтарном бульоне. Сверху аппетитно красовалось аккуратное яйцо-пашот в окружении сочных листьев свежей зелени. Тонкий, дразнящий аромат наваристого куриного бульона мгновенно заполнил комнату.

— Ого, полуночный перекус! — восхитился Линь Цзе.

— Надо же, ночной ужин... Какое забытое слово, — покачал головным убором Юань Чжи. — С тех пор как рухнул старый мир, я и думать забыл, что можно есть по ночам просто ради удовольствия.

У Гань Буго тоскливо сжалось сердце от этих слов.

— Тогда кушайте побольше, — мягко сказал он. — Силы вам еще понадобятся.

Шэньту Цян молча кивнул своим людям, побуждая их приступать, и сам взял палочки. Проглотив несколько скользких, пропитавшихся бульоном нитей лапши, он поднял взгляд на хозяина дома:

— Господин Гань, у нас с собой есть припасы. Чуть позже я принесу мясо мутировавшего полярного медведя, поделимся с тобой.

— Медвежати́на? Прекрасно, я ее почти не пробовал, — Гань Буго соглашался.

Он понимал, что эти гордые бойцы не станут есть даром. Если он откажется от их даров, они будут чувствовать себя не в своей тарелке. То, что юноша без лишних уговоров принял подношение, заметно порадовало Шэньту Цяна.

Когда с ужином было покончено, утомленные путники разошлись по отведенным комнатам. Шэньту Цян же отправился к вездеходу и вскоре перетащил в кладовую две огромные, аккуратно разделанные туши мутировавших полярных медведей.

Гань Буго озадаченно обошел горы свежего мяса.

— Столько добычи... Что же приготовить? Начинить баоцзы или потушить с редькой? — задумчиво пробормотал он.

Разумеется, в его закромах таилось невиданное обилие припасов, но выставлять их напоказ перед малознакомыми людьми он остерегался — особенно свежую зелень и овощи, бывшие в это время года величайшей редкостью.

— Решай сам, — отозвался Шэньту Цян. — Завтра на рассвете мы уезжаем. Град Льда и Снега нельзя надолго оставлять без присмотра. Нам вообще вредно задерживаться в рейдах: если мы пропадаем дольше назначенного срока, люди начинают паниковать.

— Боятся, что вы сгинули в пустоши? — Гань Буго невесело усмехнулся. — И к чему такие жертвы? Ты защищаешь их не жалея сил, но едва ли они ответят тебе тем же в трудную минуту.

— Вовсе нет, они искренне переживают за нас, — мягко возразил Шэньту Цян. — Когда пришла беда, они не сбежали, а остались здесь, решив делить с нами и жизнь, и смерть. Град Льда и Снега строился на вере друг в друга. Эти люди — наш тыл, наша опора.

Гань Буго, много лет проживший затворником, с глубоким подозрением относился к любым чужакам. Слова Шэньту Цяна показались ему излишне наивными, но спорить он не стал:

— Хорошо-хорошо, пусть будет по-твоему. Ступай спать, вождь.

— Ночью я сам постою на часах, — твердо произнес Шэньту Цян. — Береженного бог бережет.

— На этот счет можешь не переживать, — Гань Буго указал рукой в сторону ворот, где в полумраке белел огромный силуэт. — Сяо Бай чуткий, как никто из вас. Любого гостя почует за версту.

— Значит, он все-таки мутант? — спросил градоправитель. Из уважения к хозяину он запретил своим людям расспрашивать о тигре, но не заметить зверя было невозможно.

Мутировавший амурский тигр превосходил размерами любого обычного хищника и выглядел невероятно свирепым. В том, что этот зверь обладал колоссальной силой и редкими способностями, сомнений не возникало. Теперь Шэньту Цяну стало ясно, как хрупкому юноше удавалось не просто выживать в одиночку среди ледяного ада, но и устраивать свой быт с таким поистине царским комфортом.

<http://bllate.org/book/18997/1882298>